

вале русского кружева в Вологде, где дом представил кружевные изделия из коллекций Ulyana Sergeenko Couture разных лет. Сотрудничество с музеями для нас очень лестно, пожалуй, это наивысшая оценка труда команды, когда вещи рассматривают в качестве музейных экспонатов.

Фрол: Сейчас броши Ulyana Sergeenko представлены во Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства на выставке «Броши XX века», а в конце апреля в музее можно будет увидеть изделия, фотографии и эскизы коллекций дома, которые вошли в состав музейного проекта, приуроченного к столетию Красной армии.

— Продолжаете ли вы развивать вашу идею лекций о ремеслах?

Ульяна: Мы очень рады возможности рассказывать истории о нашей родине,

чуть обособленным продуктом. И я горжусь тем, что меня знают как русскую, как русского дизайнера. Но, честно говоря, «дизайнер» я с большой натяжкой. Скорее автор идеи.

— Я правильно понимаю, что у вас нет дизайнерского образования?

Ульяна: Нет совершенно. Мы с Фролом в чем-то настоящие дилетанты. И в этом, наверное, какое-то наше очарование. Когда мы впервые пришли к Мишелю Габериу обсуждать музыку для показа, у нас контакт установился за три минуты. Когда мы работали с Эдвардом Эннинфулом, он стилизовал для нас показ, мы принесли ему референсы, рассказываем что-то восторженно, а он смотрит на распечатки, улыбается и говорит: «Да, я понял. Мы как раз эту историю с Мейзелом снимали».

ЛУКЕВУК ULYANA
SERGEENKO COUTURE,
ВЕСНА—ЛЕТО 2018

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

ее наследии и связи с другими культурами на разных площадках. Мы устраивали мастер-классы по кружевоплетению в Москве и Лондоне, они имели успех, и мы решили продолжать проводить подобные мероприятия с рабочим названием #UlyanaDreams.

— Поддержка русских ремесел тоже случайно стала частью вашей стратегии?

Ульяна: Безусловно! Это само собой получилось. Сейчас у нас главная задача — оставаться послами русских традиций и ремесел. Хотя когда я говорю «русских», я имею в виду и свою родину — Казахстан, свое детство советское. Мне приятно быть

Фрол: Ульяна любит самобичеванием заниматься. Но она на самом деле вмещает в себя 28 должностей. А если говорить про миссию бренда, то действительно так вышло случайно. До революции в Клязьме, Ельце, Вологде было около 50 предприятий, которые производили кружево и продавали в Англию, Бельгию, Францию. Сейчас какие-то осколки сохранились. Я много езжу по России и вижу, что люди до сих пор даже в этих чудовищных условиях занимаются эмалью, вышивкой, рисуют. Историки, специалисты по русской северной мебели, по русской резьбе. Это такие узкопрофильные мастера, что мне страш-

ULYANA SERGEENKO
COUTURE, ВЕСНА—
ЛЕТО 2018

ДЕТАЛИ КОЛЛЕКЦИИ
ULYANA SERGEENKO COUTURE,
ВЕСНА—ЛЕТО 2018 (ВСЕ ВЫШИВКИ
ВЫПОЛНЕНЫ ВРУЧНУЮ)

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

но за них. Через 20 лет, если мы сейчас не опомнимся, не будет ничего — ни кружева, ни этих церквей в Карелии, ни домов с наличниками, ни русских печей.

— Человек, возродивший крестецкую строчку, жаловался, что вынужден лен закупать в Лионе. Российский никуда не годится. Как вы эту проблему решаете?

Фрол: Едем в Италию. Надо нам с этим человеком объединиться, кстати. Для того чтобы в Вологде нам сплели кружево, мы закупили нитки не в России. Было бы здорово создать базу специалистов. Понадобился мне набивной ситец — вот есть мастер в Петербурге, например. И все дома к нему обращаются. Как ателье «Лезаж» во Франции. В итоге мы за шесть лет нашли художницу, Елену Александровну Шнайдер, которая работает в другой технике — минеральные порошковые краски. И она почти месяц вбивала кропотливыми движениями с помощью нескольких трафаретов небольшие медальоны для плаща. Вы представляете, какой это труд? Она в мире одна такая. Сейчас ее наняли реставрировать замок в Англии, и мы ждем, пока она закончит, потому что другого специалиста ее уровня просто нет.

— Вам случалось отказывать клиентам из-за невозможности удовлетворить спрос?

Ульяна: Да. Но мы делаем так только в исключительных случаях. В остальное время мы работаем на износ, чтобы успеть ко времени. У нас самый срочный заказ — четверо суток, быстрее не получится. Но мы все фанатики. Работаем на пределе. Кутюр — это фанатизм.

— Те, кто покупает, тоже фанатики?

Фрол: Безусловно. В лучшем смысле слова. И когда клиент находит своего менеджера, это больше похоже на роман. Мне кажется, многим клиентам нравится и наш с Ульяной образ жизни. Мы же не на камеру по Ростовам путешествуем, а потому, что правда это любим. И у нас есть клиенты, которые тратят на одно свое путешествие годовой бюджет маленькой островной страны, но с удовольствием едут вместе с нами в Ярославль, например. А одна арабская принцесса сейчас замуж выходит в вологодском кружеве. Это же просто сказка.